

© Gasper Tringale

Джоди Пиколт — американская писательница, автор тринадцати бестселлеров по версии *The New York Times*, лауреат премий *The New England Bookseller Award* в области художественной литературы, а также *The Margaret Alexander Edwards Award*, учрежденной Американской ассоциацией библиотек.

Война предрассудков и глупых стереотипов, соперничество рас и человеческая жестокость... В новой истории от непревзойденной Джоди Пиколт — сложная тема расовой дискриминации. Боль и сострадание, несправедливость и неожиданная доброта, безысходность и яркая борьба за право жить наравне. Роман захватывает с первых страниц, невозможно оторваться!

Рут Джефферсон работает медсестрой в больнице. Ее и без того сложная жизнь перевернулась с ног на голову после ужасного случая — смерти новорожденного мальчика. Накануне родители запретили Рут прикасаться к малышу. Клиника заменила медсестру, но сейчас есть сомнения: выполнила ли женщина приказ? Ее обвиняют в умышленном убийстве, дело передают в суд. Рут понимает, что причина в цвете ее кожи. Борьба обретает новый смысл. Как справиться? Как выжить и доказать свою невиновность?

www.bookclub.ua

9 786171 227217

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ЦВЕТ ЖИЗНИ

Джоди Пиколт

Цвет жизни

ДЖОДИ
ПИКОЛТ

JODI
PICOULT

SMALL GREAT
THINGS

A NOVEL

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ЦВЕТ ЖИЗНИ

РОМАН

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
ПЗ2

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Picoult J. Small Great Things / Jodi Picoult. — New York :
Ballantine Books, 2016. — 480 p.

Публикуется с разрешения
Ballantine Books, an imprint of Random House,
a division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Виталия Михалюка*

Дизайнер обложки *Марта Лешак*

ISBN 978-617-12-2721-7 (Украина)
ISBN 978-0-345-54495-7 (англ.)

© Jodi Picoult, 2016
© Немиро Ltd, издание на рус-
ском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2017

«Цвет жизни» — художественное произведение. Упоминаемые в нем имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными событиями, местами или людьми, живущими ныне либо покойными, случайно.

Поскольку язык является мощным показателем власти, статуса и социальных привилегий, автор целенаправленно использовал в этой книге некоторые термины, указывающие на особенности личности. Вариации в написании слов «Черный» и «Белый» с прописной и строчной букв умышленны.

*Кевину Ферейре,
идеи и поступки которого делают этот мир лучше
и который научил меня одной истине:
мы все — работа на стадии выполнения.
Добро пожаловать в семью*

СТАДИЯ ПЕРВАЯ

РАННИЕ СХВАТКИ

Правосудие не будет торжествовать до тех пор,
пока непотерпевшие не станут негодовать так же, как потерпевшие.

Бенджамин Франклин

Рут

Чудо произошло на Западной Семьдесят Четвертой улице, в доме, где работала мама. Это большое здание из бурого песчаника окружал кованый забор, над его богато украшенной дверью с обеих сторон восседали гаргульи, гранитные лица которых повторяли мои ночные кошмары. Они приводили меня в ужас, поэтому я была только рада, что мы всегда входили через менее внушительную боковую дверь, ключи от которой мама держала на ленточке в сумочке.

Мама работала на Сэма Хэллоуэлла и его семью еще до моего и сестры рождения. Возможно, его имя вам ничего не скажет, но вы бы узнали его, если бы он при вас произнес хотя бы одно слово. Это он был тем наиболее узнаваемым голосом в середине шестидесятых, который перед каждой передачей вещал: «Следующую программу канал Эн-би-си представляет в цветном изображении!» В 1976 году, когда случилось чудо, он был начальником отдела составления программ этой телекомпании. Колокольчик на двери с горгульями издавал знаменитые три ноты, ассоциирующиеся у всех с Эн-би-си. Иногда, когда мама брала меня с собой на работу, я выходила из дома, нажимала на кнопку звонка и подпевала знакомой мелодии.

В тот день мы оказались с мамой из-за снега. Занятия в школе отменили, но мы были слишком маленькими, чтобы оставаться дома одним, пока мама на работе... куда она отправилась, не смотря на дождь со снегом, гололед и разве что не землетрясение с концом света. Запихивая нас в шубки и ботиночки, она приговаривала: «Ну и что, что я должна пробираться через снежную бурю! Подумаешь, велика важность! Но не дай Бог, госпоже Мине самой придется намазывать арахисовое масло на хлеб». На моей памяти мама лишь один-единственный раз не пошла на работу, и случилось это спустя двадцать пять лет, когда ей делали протезирование тазобедренных суставов, оплаченное Хэллоуэллами с барского плеча. Она неделю оставалась дома, а после, не выздоровев окончательно, никого не слушая, вернулась на работу, и Мина нашла для нее занятие, которое можно было выполнять сидя. Но когда я была маленькой, во время школьных каникул, карантин или в такие снежные дни, как этот, мама брала нас с собой, садилась на линию в метро и ехала в город.

На той неделе мистер Хэллоуэлл уехал в Калифорнию, что случалось довольно часто и означало, что госпожа Мина и Кристина нуждаются в помощи нашей мамы еще больше. Рейчел и я тоже, но мы, наверное, были более самостоятельными, чем госпожа Мина.

Когда мы наконец вышли из поезда на Семьдесят Второй улице, вокруг было белым-бело. И не только из-за того, что Центральный парк как будто очутился внутри снежного шара. Лица мужчин и женщин, бредущих сквозь метель, чтобы попасть на работу, были не похожи на мое лицо, на лица моих двоюродных сестер или соседей.

Я никогда не бывала в других манхэттенских домах, кроме дома Хэллоуэллиов, поэтому не представляла себе, каково это одной семье жить в таком огромном здании. Но, помню, меня удивляло, что нам с Рейчел пришлось прятать свои шубы и ботинки в маленький, забитый чулан в кухне, хотя в главной прихожей, где висели куртки Кристины и госпожи Мины, было полно свободных крючков и вешалок. Мама свою куртку тоже спрятала... и свой счастливый шарф... Мягкий, который благоухал ею и за право носить который дома мы с Рейчел дрались, потому что на

ощупь он был приятным, как шерстка морской свинки или кролика. Мама прошла по темным комнатам, как фея Динь-Динь, приземляющаяся то на выключатель, то на мебель, то на дверную ручку, чтобы постепенно разбудить спящего зверя этого дома.

— Вы обе, сидите тихо, — велела нам мама. — Я приготовлю вам горячий шоколад госпожи Мины.

Шоколад был привозной, из Парижа, и я в жизни не пробовала ничего вкуснее. Поэтому, когда мама надела белый передник, я взяла из кухонной тумбы лист бумаги, положила перед собой набор цветных карандашей, которые принесла из дому, и принялась молча рисовать. Я изобразила дом, такой же большой, как этот. В нем я поселила семью: себя, маму, Рейчел. Я попробовала нарисовать снег, но у меня не получилось. Снежинки, которые я выводила белым карандашом, на бумаге не были видны. Различить их можно было, только если наклонить лист под определенным углом к люстре — так становилось заметно мерцание в тех местах, к которым прикасался карандаш.

— Можно мы поиграем с Кристиной? — спросила Рейчел.

Кристине было шесть лет, по возрасту — как раз между Рейчел и мною. У Кристины была самая большая спальня, которую я когда-либо видела, и игрушек больше, чем у всех моих подруг. Если она была дома, когда мы приходили к ним с мамой, мы играли с ней и с ее плюшевыми мишками в школу, пили воду из настоящих миниатюрных фарфоровых чашечек и заплетали в косы шелковистые пшеничные волосы ее кукол. Но если в этот день к ней приходили друзья, мы оставались в кухне и рисовали.

Но прежде чем мама успела ответить, раздался вопль, такой пронзительный и такой отчаянный, что у меня внутри все оборвалось. Я знала, что мама почувствовала то же самое, потому что она чуть не выронила кастрюлю с водой, которую несла к раковине.

— Никуда не ходите! — крикнула она нам и помчалась наверх.

Рейчел первая соскочила со стула, она никогда не слушалась указаний. Я последовала за ней, как привязанный к руке воздушный шарик. Мои пальцы скользили над перилами изогнутой лестницы, не прикасаясь к ним.

Дверь спальни госпожи Мины была распахнута, а сама она извивалась на кровати посреди сбитого атласного постельного

белья. Ее живот был округлым, как луна, а блестящие белки глаз напомнили мне замерших на скаку карусельных лошадок.

— Еще слишком рано, Лу, — выдохнула она.

— Скажите это ребенку, — ответила мама. В одной руке она держала телефонную трубку. Вторую руку госпожа Мина сжимала мертвой хваткой. — Перестаньте тужиться, — сказала она. — Скорая сейчас приедет.

Я подумала: как быстро скорая сможет добраться по такому-то снегу?

— Мамочка?

Лишь услышав голос Кристины, я поняла, что шум разбудил ее. Она стояла между Рейчел и мною.

— Вы, трое, отправляйтесь в комнату мисс Кристины, — приказала мама стальным голосом. — *Живо!*

Но мы стояли как вкопанные, и мама быстро забыла о нас, углубилась в мир, сотканный из боли и страха госпожи Мины, стараясь быть картой, по которой она смогла бы выбраться из него. Я видела, как вены проступали на шее госпожи Мины, когда она стонала; видела, как мама встала на колени на кровати между ее ног и задрала ей юбку. Я видела, как розовые губы между ног госпожи Мины сжались, набухли и раскрылись. Показалась круглая пуговка головки, узелок плечика, хлынула кровь и другая жидкость, и вдруг у мамы в ладонях очутился ребенок.

— Вы только посмотрите на нас! — сказала она со счастливой улыбкой на лице. — Мы так торопились появиться на свет?

Потом произошли две вещи одновременно: позвонили в дверь и заплакала Кристина.

— Что ты, милая, — проворковала госпожа Мина, уже переставшая бояться, но все еще красная и в поту. Она протянула руку, но Кристина была слишком напугана увиденным, поэтому вместо того, чтобы взяться за нее, спряталась за меня. Всегда практичная Рейчел пошла открывать дверь. Вернулась она с двумя санитарями, которые ворвались в комнату и взяли дело в свои руки, и то, что мама сделала для госпожи Мины, сразу сделалось таким же, как все, что она делала для Хэллоуэллов: легким и незаметным.

Хэллоуэллы назвали ребенка Луисом, в честь мамы. Он родился здоровым, хотя и почти на месяц раньше срока — жертва

атмосферного давления, упавшего во время снежной бури, что вызвало ПРПО — преждевременный разрыв плодных оболочек. Конечно, тогда я этого не знала. Я знала лишь то, что в этот снежный день в Манхэттене я увидела самое начало чьей-то жизни. Я была рядом с тем малышом до того, как кто-то или что-то в этом мире успело его разочаровать.

Наблюдение за процессом появления на свет Луиса повлияло на каждую из нас по-разному. Кристина обзавелась собственным ребенком с помощью суррогатной матери. Рейчел родила пятерых. Ну а я... я стала медсестрой в родильном отделении.

Когда я рассказываю людям эту историю, они думают, что чудом, случившимся в ту далекую снежную бурю, я считаю рождение ребенка. Да, это было ошеломительно. Но в тот день я стала свидетелем чуда еще большего. Когда Кристина держала меня за руку, а госпожа Мина держала за руку маму, на один миг, на один удар сердца, на один вдох вся разница в образовании, в богатстве и цвете кожи исчезла, развеялась, как мираж в пустыне. В это мгновение все были равны, и просто одна женщина помогала другой.

Я прожила тридцать пять лет, чтобы увидеть *это* чудо снова.

СТАДИЯ ПЕРВАЯ

АКТИВНЫЕ СХВАТКИ

Не все, с чем сталкиваешься, можно изменить.
Но ничего нельзя изменить, пока с этим
не столкнешься.

Джеймс Болдуин

Рум

Самый красивый ребенок, которого я когда-либо видела, родился без лица.

От шеи и ниже он был само совершенство: десять пальчиков на ручках, десять на ножках, полненький животик. Но там, где положено быть уху, находились искривленные губки и единственный зуб. Место лица занимали гладкие складки кожи.

Его мать, моя пациентка, для которой это была первая беременность и первые роды, получала полный медицинский уход, включая УЗИ, но плод располагался так, что деформация лица была не видна. Позвоночник, сердце, органы — все выглядело здоровым, поэтому никто не ожидал такого. Возможно, именно поэтому она решила рожать в Мерси-Вест-Хейвен, нашей маленькой загородной больнице, а не в Йель-Нью-Хейвен, которая лучше оборудована для любых неожиданностей. Поступила она к нам в положенный срок, схватки длились шестнадцать часов. Когда доктор наконец поднял ребенка, сделалось тихо. Не было ничего, кроме тревожной белой тишины.

— С ним все хорошо? — в страхе спросила мать. — Почему он не плачет?

Рядом со мной стояла студентка-практикантка, и она вскрикнула.

— Выйди, — процедила я и вытолкнула ее из родзала. Потом я взяла у врача новорожденного, положила его на грелку и стерла с него первородную смазку. Акушерка наскоро осмотрела ребенка, молча встретилась со мной взглядом и повернулась к родителям, которые уже поняли, что произошло что-то ужасное. С успокаивающими интонациями врач сообщил, что у их ребенка серьезные врожденные пороки, несовместимые с жизнью.

В родильном отделении Смерть гораздо более частый пациент, чем вы можете подумать. Когда рождаются дети с анэнцефалией или когда зародыш умирает в утробе, мы знаем, что родители имеют связь с таким ребенком и будут его оплакивать. Этот младенец — как бы долго он ни прожил — все еще был сыном этой пары.

Поэтому я обтирала его и пеленала, как поступила бы с любимым новорожденным, а разговор у меня за спиной между врачом и родителями то затихал, то снова начинался, как машина, буксующая на снегу: «Почему? Как? Что, если вы..? Как долго..?» Вопросы, которые никто не хочет задавать и на которые никто не хочет отвечать.

Мать все еще рыдала, когда я положила ребеночка ей на грудь. Он бойко шевелил маленькими ручками. Она улыбнулась, глядя на него сквозь слезы.

— Иэн, — прошептала она. — Иэн Майкл Барнс.

На лице у нее было выражение, какое я видела, пожалуй, только на картинах в музеях: любовь и одновременно печаль, и обе настолько глубокие, что, смешиваясь, они рождали какое-то новое мощное чувство.

Я повернулась к отцу:

— Не хотите подержать сына?

Он выглядел так, будто его сейчас стошнит.

— Не могу, — пробормотал он и бросился вон из зала.

Я хотела последовать за ним, но меня перехватила практикантка.

— Простите, — извиняющимся, огорченным голосом произнесла она. — Просто... Это такое *чудище*.

— Это *ребенок*, — поправила я и прошла мимо нее.

Отца я настигла в комнате для родителей.

— Вы нужны жене и сыну.

— Это не мой сын, — сказал он. — Это... существо...

— Ему недолго жить в этом мире. Поэтому всю любовь, которая у вас запасена, стоило бы отдать ему прямо сейчас.

Я дождалась, пока он посмотрел мне в глаза, после чего развернулась и пошла обратно. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться, что он идет за мной.

Когда мы вернулись в родильный зал, его жена все еще тетешкала младенца, ее губы прижимались к гладкой коже его лба. Я взяла крошечный сверточек у нее из рук и передала малыша ее мужу. Он сделал глубокий вдох и откинул пеленку с того места, где должно было находиться лицо ребенка.

Знаете, я думала о том, как поступила тогда. Правильно ли я сделала, что свела отца лицом к лицу с умирающим ребенком, имела ли я на это право как медсестра. Если бы тогда начальство спросило меня, я бы сказала, что меня учили помогать родителям в горе. Если бы этот человек не признался себе, что случилось что-то страшное, или, хуже того, если бы он всю оставшуюся жизнь делал вид, что *ничего* не случилось, у него внутри открылась бы дыра. Этот провал, сначала маленький, начал бы расти, становиться все больше и больше, пока в один прекрасный день, когда этого совсем не ждешь, он бы не осознал, что внутри осталась лишь сплошная пустота.

Отец заплакал, всхлипы сотрясали его тело, как ураган гнет дерево. Он опустился на кровать рядом с женой, и она положила одну руку на спину мужа, а другую — на головку ребенка.

Десять часов они по очереди держали сына. Эта мать... она даже пыталась дать мужу побаюкать его. А я глазела на них. Не потому, что это было неправильно или выглядело уродливо, а потому, что ничего более удивительного я в своей жизни не видела. Это было все равно что смотреть на солнце: стоило мне отвести взгляд, как я переставала видеть все остальное.

Улучив минуту, я привела в их палату ту глупую практикантку — якобы для того, чтобы взять анализы у матери, но на самом деле, чтобы она своими глазами увидела: для любви не важно, на кого ты смотришь; для любви важно, кто смотрит.

Ребенок умер мирно. Мы сняли для родителей отпечатки с его ладони и ступни. Я слышала, что через два года эта женщина

снова поступила к нам и родила здоровую девочку, хотя это случилось не в мое дежурство.

Все это описано для того, чтобы показать вам: каждый ребенок рождается прекрасным.

Уродливым его делает то, что мы на них проецируем.

Сразу после того, как я родила Эдисона, спустя семнадцать лет в этой самой больнице, меня не беспокоило здоровье мальчика или то, как мне выкручиваться одной без мужа, уехавшего за границу, или как изменится моя жизнь теперь, когда я стала матерью.

Меня беспокоили мои волосы.

Последнее, о чем вы думаете во время родов, это ваша внешность, но если вы похожи на меня, то это первое, что придет вам на ум, как только ребенок появится на свет. Пот, который заставлял волосы всех моих белых пациенток липнуть ко лбам, наоборот, заставил мои волосы свернуться и вздыбиться над головой. Мне приходилось начесывать волосы вокруг головы, как конус мороженого, и обвязывать платком на ночь, чтобы на следующий день они выглядели прямыми. Но разве могла белая медсестра, подарившая мне по поручению руководства больницы маленькую бесплатную бутылочку шампуня, знать о том, что шампунь этот сделает мои волосы еще более кучерявыми? Я была уверена, что когда мои коллеги с самыми благими намерениями придут знакомиться с Эдисоном, они впадут в ступор при виде того, что творится у меня на голове.

В конце концов я замотала голову полотенцем и сказала посетителям, что только что приняла душ.

Знакомые медсестры, работающие в хирургических отделениях, рассказывали мне о людях, которых, как только их выкатывали в послеоперационную палату, требовали надеть на них парик перед тем, как пускать родственников. И я не могу сосчитать, сколько раз бывало, что мои пациентки, после ночи стонов, криков и выдавливания из себя ребенка, наутро вытаскивали из палаты своих мужей и просили меня помочь им надеть ночную рубашку или халат по красивее.

Я понимаю потребность людей принимать определенный вид для окружающего мира. Именно поэтому я, придя в 6:40 утра к началу своей смены, даже не захожу в комнату персонала, где дежурная ночная сестра сообщает нам данные по палатам. Вместо этого я иду по коридору к пациентке, с которой была накануне вечером перед окончанием моей смены. Ее зовут Джесси. Это маленькое хрупкое создание вошло в родильное отделение скорее как первая леди на официальный прием, чем как женщина в период активных схваток: волосы идеально уложены, на лице идеальный макияж, даже одежда для беременных выглядела стильно и продуманно. Видеть это было очень странно, поскольку к сороковой неделе беременности большинство будущих мамочек, если бы можно было, с радостью носили бы на себе просторные балахоны размером с палатку. Я просмотрела ее записи — первобеременная, первородящая — и усмехнулась. Последнее, что я сказала Джесси, перед тем как передать ее коллеге и пойти домой, было: в следующий раз, когда я увижу ее, у нее уже будет ребенок. И, разумеется, так и вышло — у меня появилась новая пациентка. Пока я спала у себя дома, Джесси родила здоровую девочку весом семь фунтов шесть унций.

Я открываю дверь и нахожу Джесси дремлющей. Ребенок в пеленках лежит в колыбели рядом с кроватью; муж Джесси посапывает, развалившись в кресле. Как только я вхожу, Джесси вскидывается, и я тотчас прикладываю палец к губам: тихо!

Я достаю из сумочки зеркальце и красную помаду.

Частью процесса родов является разговор; это отвлечение, которое заставляет отступать боль, и клей, который скрепляет медсестру с пациенткой. В каких еще случаях медицинский работник по двенадцать часов в день консультирует одного человека? В итоге мы сходимся с этими женщинами быстро и очень близко. Я за считанные часы узнаю о них такие вещи, которые не всегда знают самые близкие друзья: что она познакомилась со своим партнером в баре, когда выпила лишнего; что ее отец не дожил до этого дня и не увидит внука; что она боится быть мамой, потому что в детстве ненавидела сидеть с детьми. Прошлой ночью, перед самым началом родов, когда Джесси, обессиленная и вся в слезах, рывкала на мужа, я предложила ему пойти в закусную

выпить чашечку кофе. Как только он ушел, в комнате стало легче дышать и Джесси повалилась на эти ужасные пластиковые подушки, которыми оснащено наше родильное отделение.

— Что, если этот ребенок все изменит? — всхлипывая, произнесла она и призналась, что никогда не выходила из дома без «сексуального лица», что даже муж никогда не видел ее без туши на ресницах. А сейчас он наблюдает, как ее тело выворачивается наизнанку. И как он теперь сможет смотреть на нее, как раньше?

— Послушайте, — сказала я ей, — я об этом позабочусь, все будет хорошо.

Надеюсь, то, что я сняла с ее спины эту соломинку, придало Джесси сил и помогло благополучно родить.

Забавно. Когда я говорю людям, что работаю медсестрой в родильном отделении уже больше двадцати лет, их больше впечатляет то, что мне приходилось помогать делать кесарево сечение; что я могу поставить капельницу, хоть разбуди меня посреди ночи; что я вижу малейшую разницу между нормальным сердцебиением зародыша и таким, которое требует вмешательства. Но для меня быть медсестрой родильного отделения означает понимать свою пациентку и ее потребности. Когда нужно сделать массаж. Когда нужно дать обезболивающее. Когда нужно подкрасить глазки.

Джесси смотрит на мужа, все еще спящего. Потом берет помаду у меня из руки.

— Спасибо, — шепчет она, и наши взгляды встречаются. Я поднимаю зеркало, и она заново открывает себя.

По четвергам я работаю с семи утра до семи вечера. У нас в Мерси-Вест-Хейвен днем в родильном отделении обычно дежурят две медсестры. Или три, если есть лишние руки. Проходя через отделение, я подсознательно отмечаю, сколько палат занято, сейчас их три; хорошее, медленное начало дня. Мэри, дежурная медсестра, уже сидит в комнате, где мы проводим утренние летучки, но Корин, второй медсестры моей смены, пока нет.

— Что будет на этот раз? — спрашивает Мэри, листая утреннюю газету.

— Колесо спустилось, — предполагаю я. Такая угадка для нас — обычное дело: «Чем сегодня Корин объяснит опоздание?»

Сегодня прекрасный октябрьский день, поэтому она не сможет сослаться на непогоду.

— Это было на прошлой неделе. Я ставлю на грипп.

— Кстати, — вставляю я, — как там Элла? — Восьмилетняя дочь Мэри подхватила вирусный грипп.

— Сегодня пошла в школу, слава Богу, — отвечает Мэри. — Теперь вот Дэйв заболел. Думаю, я на очереди. Наверное, и суток не продержжусь. — Она отрывается от рубрики местных новостей. — Я опять видела здесь имя Эдисона, — говорит она.

Мой сын каждый семестр входит в список лучших учеников школы. Но, как я ему говорю, это не повод задирать нос.

— В этом городе немало умных детей, — замечаю я.

— И все равно, — говорит Мэри. — Для такого мальчика, как Эдисон, добиться подобных успехов... Тебе следует гордиться. Могу только надеяться, что Элла окажется такой же хорошей ученицей.

Такой мальчик, как Эдисон... Я понимаю, что Мэри имеет в виду, пусть даже она осмотрительно не произносит этого вслух. В средней школе учиться не так много Черных детей, и, насколько мне известно, Эдисон — единственный из них, кто входит в список лучших. Комментарии, подобные этому, ранят, как порез краем бумаги, но я работаю с Мэри уже больше десяти лет, поэтому стараюсь не обращать внимания на неприятный осадок. Я знаю, что на самом деле она не имеет в виду ничего такого. В конце концов, она ведь подруга. В прошлом году на Пасху она со своей семьей ужинала у меня вместе с другими медсестрами, мы вместе ходим на коктейли и в кино, один раз даже устроили девичник в спа. И все же Мэри даже не догадывается о том, как часто мне приходится делать глубокий вдох, успокаивая себя, чтобы двигаться дальше как ни в чем не бывало. Белые люди не замечают половины обидных вещей, которые слетают с их уст, поэтому я стараюсь не сердиться.

— Ты бы лучше надеялась, чтобы твоя непоседа в первый же день не угодила в кабинет к школьной медсестре, — отвечаю я, и Мэри смеется.

— Ты права. Это важнее.

В комнату врывается Корин.

— Извините, я опоздала, — говорит она, и мы с Мэри обмениваемся взглядами.

Корин на пятнадцать лет моложе меня, и у нее вечно что-то происходит: то карбюратор полетит, то она ссорится со своим парнем, то какая-нибудь авария на 95N задерживает ее. Корин из тех людей, для которых жизнь — это промежутки между кризисами. Она снимает пальто и ухитряется опрокинуть цветок в горшке, умерший месяц назад, который никто не удосужился заменить.

— Черт... — бормочет она, ставя горшок и засыпая землю обратно. Потом вытирает ладони о халат и садится, сложив на груди руки. — Правда, извини, Мэри. Это дурацкое колесо, которое я заменила на прошлой неделе, опять начало спускаться, и пришлось всю дорогу ехать на тридцати.

Мэри лезет в карман, достает доллар, кладет его на стол и щелчком отправляет ко мне. Я смеюсь.

— Итак, — говорит Мэри, — отчет за ночь. В палате 2 двойня. Джессика Майерс, первобеременная первородящая, сорок недель и два дня. Вагинальные роды, сегодня в три часа утра, прошли без осложнений, болеутоляющее не понадобилось. Девочка хорошо кормит грудью. Уже мочилась, но еще не опорожнилась.

— Я возьму ее.

Мы с Корин произносим это одновременно: каждой хочется взять пациентку, которая уже родила, с такой прощью.

— Я вела ее до этого, — напоминаю я.

— Хорошо, — соглашается Мэри. — Рут, она твоя. — Она поправляет очки. — Палата 3, Теа Маквоун, первобеременная, срок одна неделя и три дня, активные схватки, раскрытие четыре сантиметра, мембраны целы. Частота сердцебиения плода на мониторе выглядит хорошо, ребенок активен. Ей назначили эпидуральную анестезию, сейчас готовят внутривенное.

— Назначение анестезии зафиксировано? — спрашивает Корин.

— Да.

— Я беру ее.

Мы стараемся брать по одной пациентке на стадии активных схваток, и это означает, что третья пациентка — последняя на сегодняшнее утро — будет моей.

— Палата 5 восстанавливается. Бриттани Бауэр, первобеременная, первородящая, тридцать девять недель и один день, провели эпидуральную анестезию, вагинальные роды в пять тридцать утра. Ребенок — мальчик, они хотят делать обрезание. У мамы СДБ первого типа, у ребенка круглосуточно берут кровь на сахар каждые три часа. Мама очень хочет кормить грудью. Она до сих пор держит его на себе.

Восстановление — занятие не из легких, требующее непосредственного тесного общения между медсестрой и пациенткой. Да, роды закончены, но нужно еще навести порядок, оценить физическое состояние новорожденного, да и бумажной работы хоть отбавляй.

— Поняла, — говорю я и встаю из-за стола, чтобы найти Люсиль, ночную медсестру, которая была с Бриттани во время родов.

Она сама находит меня в комнате для отдыха персонала, где я мою руки.

— Это тебе, — говорит она, протягивая мне карточку Бриттани Бауэр. — Двадцать шесть лет, первобеременная, первородящая, родила вагинально сегодня утром в пять тридцать, промежуток не пострадала. Группа крови нулевая положительная, от краснухи иммунитет, анализы на гепатит В и ВИЧ отрицательные, на стрептококк группы Б — отрицательный. Гестационный диабетик, соблюдение диеты, в остальном без осложнений. У нее до сих пор в левом предплечье стоит внутривенное. Я отключила эпидуральное, но она еще не вставала с постели, так что спроси, не нужно ли ей встать в туалет. Кровотечение у нее было в норме, дно матки твердое, на уровне пупка.

Я открыла карту и просмотрела записи, запоминая подробности.

— Дэвис, — прочитала я. — Это ребенок?

— Да. Основные показатели в норме, но часовой сахар в крови был 40, так что возни с ним много. Он немного наделал сверху и снизу, и вообще он слюнявый и сонливый, ел мало.

— Витамин К ему вкололи? Антибиотиком глаза закапали?

— Да, и он пописал, но не какал. Я еще не купала его и не осматривала.

— Ничего, — говорю я. — Это все?

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Примерно через четыре года после начала писательской карьеры я решила написать книгу о расизме в Соединенных Штатах. Меня подвигло к этому реальное происшествие в Нью-Йорке, когда черный полицейский под прикрытием был убит белыми коллегами несколькими выстрелами в спину, хотя носил специальный браслет, именованный «цвет дня», — приметку, позволявшую копам опознавать других переодетых полицейских. Я взялась за роман, потерпела фиаско и отказалась от этой затеи. Я не могла раскрыть тему так, как она того заслуживала. Я не знала, что значит вырасти черным в Америке, и не понимала, как подступить к изображению вымышленного персонажа, который не выглядел бы картонным и фальшивым.

Прошло еще двадцать лет, и мне снова отчаянно захотелось написать о расизме. Было неприятно сознавать, что если белые авторы и говорили о расизме, то, как правило, только в книгах на исторические темы. И опять-таки, какое я имела право писать об опыте, которого у меня не было? С другой стороны, если бы я писала только о том, что знала, моя карьера была бы короткой и скучной. Я выросла белой, принадлежала к привилегированному классу. Я долгие годы вела рутинную писательскую работу — занималась полевыми исследованиями, взяла множество интервью, стараясь расслышать голоса людей, которыми я не была: мужчин, подростков, людей с суицидальными наклонностями, избитых мужьями жен, жертв изнасилования. Причиной, побуждавшей меня записывать все эти рассказы, было возмущение и желание предоставить им эфир, чтобы об этой стороне жизни узнали те, кому не пришлось пережить ничего подобного. Почему книга о цветном герое должна была стать чем-то принципиально иным?

Потому что сама раса — нечто принципиально иное. Как и проблема расизма. Она таит в себе много подводных камней, ее нелегко обсуждать, и в результате мы — иногда — вовсе избегаем ее обсуждения.

Затем я прочла новости о медицинской сестре-афроамериканке из Флинта, штат Мичиган. Она больше двадцати лет проработала в родильном отделении, пока однажды некий молодой отец не заявил, что желает встретиться с ее начальником. Он потребовал, чтобы она и ей подобные не прикасались к его ребенку. Как оказалось, заявитель был сторонником идеи о превосходстве белой расы. Начальник официально оформил запрос, после чего несколько членов персонала больницы афроамериканского происхождения подали в суд и выиграли дело. Этот случай заставил меня задуматься, и я принялась разрабатывать сюжет.

Я знала, что хочу описать события с точки зрения черной медсестры, папаши-скинхеда и общественной защитницы — женщины, которая, подобно мне и многим моим читателям, была вполне благонамеренной белой дамой, сроду не считавшей себя расисткой. Внезапно я поняла, что не просто могу закончить этот роман, но обязательно это сделаю. В отличие от моего первого, неудавшегося кавалерийского набега, я писала не для того, чтобы рассказать цветным об их жизни. Я писала для своего собственного сообщества — для белых людей, готовых указать пальцем на скинхеда-неонациста и назвать его расистом, но не способных распознать расизм в себе.

По правде говоря, я с таким же успехом могла бы описывать себя — такую, какой я была совсем недавно. Читатели часто говорят о том, как много они почерпнули из моих книг, и я, когда пишу роман, тоже узнаю для себя много нового. На этот раз, однако, мне постоянно открывалось нечто новое обо мне самой. Я исследовала свое прошлое, свое воспитание, свои пристрастия и раз за разом обнаруживала, что вовсе не была столь невинной и прогрессивной, какой себя представляла.

Большинство из нас воспринимают слово «расизм» как синоним слова «предрассудок». Но расизм — нечто большее, чем просто дискриминация по цвету кожи. Это еще и вопрос о том, кому принадлежит институциональная власть. Создавая неудобства

для цветных, затрудняющие достижение ими успехов, расизм обеспечивает преимущества для белых, облегчающие достижение ими успеха. Эти преимущества увидеть непросто, но еще труднее признаться в обладании ими.

Именно это, как я поняла, и стало для меня побудительным мотивом к написанию этой книги. Когда речь идет о социальной справедливости, белый союзник вовсе не должен быть спасителем или посредником. Роль союзника в том, чтобы найти других белых людей и, беседуя с ними, заставить их увидеть, что многие преимущества, которыми они пользовались в своей жизни, являются прямым результатом того, что кто-то другой никогда этих преимуществ не имел.

Я начала свое исследование с продолжительных бесед с цветными женщинами. Хотя я знала, что забрасывать цветных вопросами — не лучший способ самообразования, но все же надеялась втянуть этих женщин в процесс. Взамен они сделали мне подарок: поделились своим опытом, рассказав о том, каково это — быть черной. Я очень благодарна этим женщинам не только за то, что они терпеливо сносили мое невежество, но и за то, как искренне хотели меня просветить. После этого я имела удовольствие беседовать с Беверли Дэниел Тейтум — бывшим президентом Спелман-колледжа и известной исследовательницей расизма и межрасовых отношений. Я прочла книги доктора Тейтум, Дебби Ирвинг, Мишель Александер и Дэвида Шайплера. Я записалась на семинар по социальной справедливости под названием «Демонтируй расизм» и проводила в слезах каждый вечер с тех пор, как начала сдирать с себя лоск собственных застарелых заблуждений на свой счет.

Я познакомилась с двумя бывшими скинхедами, чтобы обогатить словарный запас ненависти для моего персонажа — сторонника превосходства белой расы. Не кто иной, как моя дочь Сэмми, нашла Тима Заала — бывшего скинхеда, общавшегося по скайпу с ее классом. Много лет назад Тим до полусмерти избил гея. Выйдя из Движения, он начал сотрудничать с Центром Симона Визенталя, выступая с докладами о преступлениях на почве ненависти, и в один прекрасный день понял, что человек, которого он когда-то едва не убил, работает с ним плечом к плечу. Последовали извинения и прощение, и теперь они друзья, еженедельно рассказывающие

на семинарах о своем уникальном опыте. Кроме того, теперь он счастливо женат на еврейке. Фрэнки Миинк, другой бывший скинхед, сотрудничает с Антидиффамационной лигой. Несмотря на то что Фрэнки когда-то рекрутировал новых членов в расистские банды в Филадельфии, теперь он ведет программу «Гармония через хоккей», поощряющую расовое разнообразие среди детей.

От этих мужчин я узнала, что группы белых расистов верят в разделение рас и считают себя солдатами в священной расовой войне. Они рассказали мне, как вербовщики в группы ненависти отслеживают детей, запуганных и затравленных своими сверстниками или из неблагополучных семей. Они распространяют листовки с угрозами белым в белом районе и следят за реакцией подростков, выделяя тех, кто говорит, что белым грозит опасность. Тогда они подходят к этим ребятам и говорят: вы не одни. Смысл в том, чтобы перенаправить ярость новичка в русло расизма. Насилие стало пропуском, мандатом. Кроме того, они рассказали мне, что сейчас большинство групп скинхедов представляют собой не банды, жаждущие насилия, а скорее коллективы индивидуумов, обеспечивающих работу подпольной сети. В наши дни белые расисты одеваются так же, как обычные люди. Они сливаются с толпой, ставя общество перед угрозой совершенно нового вида террора.

Когда пришло время выбрать для этой книги название, я снова испытала внутреннюю борьбу. Многие из моих давних поклонников знают, что первоначальное название романа было другим. «Великие мелочи»¹ — отсылка к цитате, часто приписываемой преподавателю доктору Мартину Лютеру Кингу-младшему: «Если я не могу делать великие вещи, я могу проявить величие, даже занимаясь мелочами». Но было ли у меня, белой женщины, право перефразировать эти чувства? Многим членам афроамериканского сообщества не нравится, когда белые люди используют высказывания Мартина Лютера Кинга-младшего для выражения собственного опыта, — и с полным основанием. Тем не менее я знала также, что и Рут, и Кеннеди время от времени занимаются в романе мелочами, имеющими весьма важные и длительные последствия для

¹ «Великие мелочи» — дословный перевод оригинального названия романа.

других. Плюс ко всему для многих белых, только вступающих на путь обретения расового самосознания, слова доктора Кинга часто являются первым шагом на этом пути. Его красноречие о предмете, который большинство из нас чувствуют неподходящим для облечения в слова, вдохновляет и подавляет. Кроме того, хотя индивидуальные изменения не в силах искоренить расизм — существуют системы и институты, требующие коренной переделки, — именно мелкие повседневные дела могут как увековечить расизм, так и частично его демонтировать. По всем этим причинам, а также потому, что, как я надеюсь, это подвигнет людей больше узнать о докторе Кинге, я выбрала этот заголовок.

Среди всех моих романов эта книга всегда будет занимать для меня особенное место благодаря огромному множеству изменений, вызванных ею в моем отношении к себе, и благодаря тому, что она заставила меня осознать расстояние, которое мне все еще предстоит пройти. Нам, американцам, нравится думать, что причина, по которой мы добились успеха, заключается в том, что мы упорно трудились, или в том, что мы были умны. Допустить, что мы обязаны своим успехом расизму, значит признать, что пресловутая американская мечта осуществима отнюдь не для всех. Исследовательница темы социальной справедливости Пегги Макинтош указала некоторые из этих преимуществ: например, более легкий доступ к рабочим местам и жилью. Если вы белый, вам легче зайти в случайную парикмахерскую и тут же найти мастера, готового вас подстричь. Купить куклу, игрушку и детскую книгу, изображающие людей вашей расы. Получить продвижение по службе, не вызвав ничьих подозрений в том, что единственная причина этого — цвет вашей кожи. Потребовать разговора с ответственным лицом и получить направление к человеку вашей расы.

Занимаясь предварительными исследованиями для этой книги, я спрашивала у белых матерей, как часто они говорили о расизме со своими детьми. Некоторые отвечали, что иногда; иные признали, что ни разу в жизни. Когда я задавала этот же вопрос чернокожим матерям, все до единой отвечали: каждый день.

Так я поняла, что и неведение может быть привилегией.

Что же полезного я узнала? Например, то, что, будучи белым, как я, ты не можешь избавиться от своей привилегии, но можешь

использовать ее на благо. Не говорите «Я вообще не замечаю расы!» так, будто это нечто позитивное. Вместо этого признайте, что различия между людьми делают для одних людей достижения финишной черты более трудным, чем для других, и создавайте справедливые пути к успеху для каждого, кто принимает эти различия. Воспитывайте себя. Если вам кажется, что чей-то голос игнорируют, велите остальным слушать. Если ваш друг отпускает расистскую шутку, жестко одерните его, а не делайте вид, будто ничего не случилось. Если два бывших скинхеда, с которыми я встречалась, смогли так радикально изменить свои взгляды, уверена, обычные люди тоже смогут это сделать.

Я предчувствую недовольство этой книгой. Мне придется иметь дело с цветными из-за того, что я выбрала тему, которая мне не принадлежит. Мне придется иметь дело с белыми, возмущенными приписываемым им расизмом. Поверьте, я написала этот роман вовсе не потому, что думала, что это будет интересно и легко. Я написала его, потому что сочла это правильным, — а также потому, что именно то, что доставляет нам наибольший дискомфорт, учит нас истинам, которые все мы должны знать. Как сказала Роксана Робинсон: «Писатель — как камертон: мы отзываемся, если нас чем-нибудь ударить... Если повезет, мы передадим сильную чистую ноту, принадлежащую не нам, но проходящую сквозь нас». Черные, читающие эту книгу: надеюсь, я достаточно внимательно прислушалась к тем членам вашего сообщества, которые открыли мне свои сердца, чтобы я смогла передать пережитый вами опыт как можно точнее. Белые, читающие эту книгу: мы все — книги в процессе написания. Лично у меня нет ответов на все вопросы, и я до сих пор ежедневно узнаю что-то новое.

Бушует пожар, и у нас есть два варианта: мы можем отвернуться — и можем попытаться его победить. Да, говорить о расизме нелегко, и да, мы запинаемся на отдельных словах, — но мы, белые люди, обязаны обсудить между собой эту тему. Хотя бы потому, что в этом случае еще больше людей услышат ее, хотя бы краем уха, и — я надеюсь — присоединятся к нашей беседе.

*Джоди Пиколт,
март 2016*

БЛАГОДАРНОСТИ

Если бы не множество людей и источников, эта книга никогда не была бы написана.

Спасибо Пегги Макинтош за концепцию невидимого ранца. Доктор Беверли Дэниел Тейтум в буквальном смысле бросила вызов ледяной буре в Атланте, чтобы встретиться со мной, она — один из моих героев, и я надеюсь, она не обидится на меня за то, что я позаимствовала у нее объяснение, которое она дала своему сыну о том, что цвет его кожи — это нечто *большее*, а не *меньшее*. Также я должна поблагодарить Дебби Ирвинг за ее экспертное мнение в вопросах социальной справедливости, за готовность в любое время дня и ночи проверять мои слова, за любезное разрешение красть ее метафоры и лучшие строки, включая понятия встречного и попутного ветра привилегий (блестяще описанных Верной Майерс) и за подсказанную связку слов «*надзирать*» и «*презирать*». Спасибо и Малкольму Гладуэллу, который 8 декабря 2009 во время ток-шоу на канале «С-SPAN» использован пример из своей книги «Посторонние» для анализа дат рождения молодых канадских хоккеистов и того, как это отражается на их успехах в НХЛ, — эту идею я позаимствовала для последнего аргумента Кеннеди. Благодарю Народный Институт Выживания за семинары по противодействию расизму, спонсируемые Бостонским Народным фондом Хеймаркета, которые подтолкнули меня к тому, чтобы увидеть собственные привилегии. Именно им Кеннеди обязана метафорой о выбрасывании младенцев из окна.

Я благодарна профессору Эбигейл Бэйрд за предоставленное ею исследование предвзятости (а также за введение к замечательной Сиенне Браун). Бетти Мартин, женщине, к которой я всегда обращалась в первую очередь, когда хотела убить вымышленного новорожденного. Дженнифер Твитчелл из ADL, Синди

Равелл, Хоуп Моррис, Ребекке Томпсон, Карен Брэдли и Рут Гошен. Спасибо Биллу Бинни за его имя и вклад в организацию Families In Transition, которая обеспечивает безопасным, доступным жильем и комплексными социальными услугами бездомных и тех, кто может лишиться жилья в Южном Нью-Гэмпшире. За консультации по «Макдоналдсу»: Натали Холл, Рэйчел Далинг, Рейчел Патрик, Отумн Купер, Кайле Эйлинг, Билли Шорту, Джессике Холлис, М. М., Наоми Доусон, Джой Клинк, Кимберли Райт, Эмили Брадт, Сукане Аль-Хассани.

Спасибо многочисленным докторам и медсестрам, которые поделились со мной своим опытом, профессиональным жаргоном и лучшими историями, — это Морин Литтлфилд, Шона Пирс, Элизабет Джозеф, Минди Дьюб, Сесилия Брелсфорд, Миган Смит, доктор Джон Бартольд, Ирит Либро, доктор Дэн Келли.

Моей суперкоманде юристов, которые уверяли, что расовый вопрос в судах не поднимается, — надеюсь, я заставила вас передумать. Лизе Айвон, Лизе Гехайт, Морин Макбрайен-Бенджамин и Джанет Гиллиган — с вами слишком весело, чтобы считать вас просто коллегами по работе. Дженнифер Сарджент, большое спасибо за то, что пришли в одиннадцатом часу и проверили судебные сцены на правдоподобие.

Спасибо Джейн Пико и Лоре Гросс за то, что были возмущены, тронуты и унижены во всех правильных местах, когда читали первые наброски. Ориол Бишоп получает признание за то, что нашла название. И спасибо лучшей издательской группе в мире: Джине Центрелло, Каре Уэлш, Киму Хови, Дебби Арофф, Санью Диллон, Рэйчел Кайнд, Дениз Кронин, Скотту Шеннону, Мэттью Шварцу, Энн Шпейер, Порше Берк, Терезе Зоро, Паоло Пепе, Кетрин (Я-тайно-живу-жизнью-Джоди) Микула Кристин Микитишин, Кейли Барон. Особая благодарность несравненному редактору Дженнифер Херши, которая добилась того, чтобы каждое слово на этих страницах было выстраданным и верным. Я в огромном долгу перед чирлидером — дорожным воином — де-факто не-Скандальным начальником штаба Сьюзан Коркоран, которая стала настолько незаменимой, что и не знаю, выжила бы я без нее.

Фрэнку Минку и Тиму Заалу — ваши мужество и сострадание вдохновляют еще больше из-за того, как далеко вы зашли.

Спасибо за то, что ввели меня в мир ненависти, и за то, что показали столь многим, как из него выйти.

Эвелин Каррингтон, моей подруге-сестре, и Шайне — и Сиенне Браун — одной из самых больших радостей при написании этой книги стало знакомство с тобой. Спасибо за вашу честность, за ваше мужество, за ваши открытые сердца. Нику Стоуну — кто знал, что, застряв в пробке в Атланте, я обрету друга на всю жизнь? Я бы не смогла написать эту книгу, если бы ты не держал меня за руку и не говорил, что нельзя сомневаться в себе. Все те безумные ночные переписки привели к конечной версии этой книги. Спасибо, что дал мне уверенность в себе, что исправил мои ошибки белой девочки и верил в то, что я могу и должна это написать. Теперь не могу дождаться, когда выйдет *твой* роман.

Кайл и Кевину Феррейрам ван Леер — вы оба такие, какой я хотела бы стать: модель социальной справедливости. Спасибо за то, что открыли мне глаза на все эти попутные ветра. Сэмми: спасибо, что приходила домой из школы и говорила: «Знаешь, мне кажется, я знаю человека, с которым стоит поговорить о твоей книге». Джейку: спасибо за то, что ты знаешь, как выглядит парковка за зданием Нью-Хейвенского окружного суда, и за то, что объяснил мне решения Верховного суда; я знаю, когда-нибудь ты станешь адвокатом, который изменит мир. И Тиму: спасибо, что поил меня кофе из гарвардской чашки «для белых». Люблю тебя за это и за все остальное.

БИБЛИОГРАФИЯ

Следующие книги и статьи были использованы и/или послужили вдохновением:

- Alexander, Michelle. *The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness*. New Press, 2010.
- Coates, Ta-Nehesi. *Between the World and Me*. Spiegel & Grau, 2015.
- Colby, Tanner. *Some of My Best Friends Are Black: The Strange Story of Integration in America*. Viking, 2012.
- Harris-Perry, Melissa V. *Sister Citizen: Shame, Stereotypes, and Black Women in America*. Yale University Press, 2011.
- Hurwin, Davida Wills. *Freaks and Revelations*. Little, Brown, 2009.
- Irving, Debby. *Waking Up White: And Finding Myself in the Story of Race*. Elephant Room Press, 2014.
- McIntosh, Peggy. "White Privilege: Unpacking the Invisible Knapsack", *Independent School* 49, no. 2 (winter 1990): 31. Excerpted from "White Privilege and Male Privilege: A Personal Account of Coming to See Correspondences Through Work in Women's Studies" (Working Paper 189, Wellesley Center for the Study of Women, 1988).
- Meeink, Frank, and Jody M. Roy. *Autobiography of a Recovering Skinhead*. Hawthorne Books, 2009.
- Phillips, Tom. "Forty-two Incredibly Weird Facts You'll Want to Tell All Your Friends," <http://www.buzzfeed.com/tomphillips/42-incredibly-weird-facts-youll-want-to-tell-people-down-the#.kuYg-j5yGd>.
- Shipler, David K. *A Country of Strangers: Blacks and Whites in America*. Vintage Books, 1998.
- Tatum, Beverly Daniel. *Assimilation Blues: Black Families in White Communities: Who Succeeds and Why?* Basic Books, 2000.

- —. *Can We Talk About Race? And Other Conversations in an Era of School Resegregation*. Beacon Press, 2008.
- —. *“Why Are All the Black Kids Sitting Together in the Cafeteria?” And Other Conversations About Race*. Basic Books, 1997.
- Tochluk, Shelly. *Witnessing Whiteness: The Need to Talk About Race and How to Do It*. Rowman & Littlefield Education, 2010.

ОБ АВТОРЕ

Джоди Пиколт — номер один среди авторов бестселлеров по чартам «New York Times», из-под ее пера вышло двадцать пять романов, в том числе «Время прощаться», «Уроки милосердия», «Одинокий волк», «Особые отношения», «Домашние правила поведения», «Хрупкая душа», «Чужое сердце», «Девятнадцать минут», «Ангел для сестры». В соавторстве с дочерью Самантой Ван Лир она написала два молодежных романа: «Мое сердце между строк» и «Ни в сказке сказать». Джоди Пиколт живет в Нью-Гэмпшире с мужем и тремя детьми.

JodiPicoult.com

[Facebook.com/JodiPicoult](https://www.facebook.com/JodiPicoult)

Twitter: [@jodipicoult](https://twitter.com/jodipicoult)

Instagram: [@jodipicoult](https://www.instagram.com/jodipicoult)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стадия первая. Ранние схватки</i>	9
<i>Стадия первая. Активные схватки</i>	14
<i>Стадия первая. Переход</i>	145
<i>Стадия вторая. Потуги</i>	343
<i>Стадия третья. Послед</i>	476
Послесловие автора.....	481
Благодарности	487
Библиография	490
Об авторе	492

Літературно-художнє видання

ПІКОЛТ Джоді

Колір життя

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Координатор проекту *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 06.04.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 26,04. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

ПИКОЛТ Джоди

Цвет жизни

Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Координатор проекта *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *И. В. Набока*

Підписано в печать 06.04.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion». Усл. печ. л. 26,04. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а, E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (Life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Рут Джефферсон, медсестра з двадцятирічним досвідом і складною долею, опиняється в жахливій ситуації: жінку звинувачують у тяжкому злочині — вбивстві новонародженого хлопчика. Його батьки напередодні заборонили Рут торкатися дитини, і клініка замінила медсестру. Але на наступний ранок хлопчик помер від серцевого нападу. Винною називають саме Рут: виконала вона наказ керівництва або втрутилася? Через деякий час виявляється, що її «вина» — колір шкіри. Чи зможе Рут довести свою невинність?

Пиколт Дж.

П32 Цвет жизни : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. В. Михалюка. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 496 с.

ISBN 978-617-12-2721-7 (Украина)

ISBN 978-0-345-54495-7 (англ.)

Рут Джефферсон, медсестра с двадцатилетним опытом и сложной судьбой, оказывается в ужасной ситуации: женщину обвиняют в тяжком преступлении — убийстве новорожденного мальчика. Его родители накануне запретили Рут прикасаться к ребенку, и клиника заменила медсестру. Но на следующее утро мальчик умер от сердечного приступа. Винной называют именно Рут: выполнила ли она приказ руководства или вмешалась? Спустя некоторое время оказывается, что ее «вина» — цвет кожи. Сможет ли Рут доказать свою невиновность?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ИСТОРИЯ,
КОТОРАЯ НЕ ОСТАВИТ РАВНОДУШНЫМ

Дженне было три года, когда ее мать Элис исчезла. Девочка не могла поверить, что мама бросила ее, что она никогда не будет рассказывать ей на ночь сказки. С того трагического дня прошло десять лет, и Дженна решила сама искать маму. Она уговорила детектива, который когда-то вел дело об исчезновении Элис, и экстрасенса Серенити помочь ей. Но чем больше узнает Дженна, тем больше становится загадок. Неужели ее мать жива? Какую тайну скрывает ее отец? Детектив и Серенити случайно узнают жестокую правду о прошлом семьи девочки...